

ГЛАВА 1

В этом мире мало что зависит от нас. Я часто слышу: «Все в твоих руках, прояви настойчивость и получишь желаемое».

Пустое бахвальство.

Мир не вертится вокруг конкретного человека. Мы находимся в непрерывном взаимодействии друг с другом, и зачастую успех зависит не от нас самих, что было бы логично, а от тех людей, которые даже не входят в наш круг общения. Случайные знакомые, мимолетные попутчики, чужаки, ураганом врывающиеся в нашу жизнь и смерчем покидающие ее, — именно они чаще всего оказываются на посылках у Судьбы, подтаскивая той кусочки пазла — будущей картины нашего успеха или поражения.

— Прости, что так долго. — Лиди поставила передо мной поднос с заказом, и я оторвалась от наладонника, на котором печатала все это время. Подруга плюхнулась на соседний стул. — Предупреждаю, кофе ужасен. Старый поставщик отказался с нами работать, а новый задрал цены до потолка. Теперь приходится покупать плохонький товар за те же деньги.

Я улыбнулась и придвинула к себе огромную пузатую кружку с дымящимся напитком. Рассеянно сделала глоток (мыслями я все еще была не здесь) и поперхнулась — кофе явственно горчил на языке жжеными зернами.

— А я говорила.. — мрачно протянула подруга и устало откинула с высокого лба каштановую челку. — Надеюсь, это временно.

— Конечно, — кивнула я и, отодвинув кружку с кофе, потянулась к сэндвичу.

Я чуть не поперхнулась кофе: не вовремя сделала глоток. Нет, Лиди тоже умела показывать зубки. Знала, что наступила на большую мозоль!

— Я зайду к нему после обеда. Пока не было времени.

— Поня-я-ятно, — протянула та и быстро выпалила, словно ударила наотмашь: — Они никогда не опубликуют книгу землянки. Ты же знаешь.

Знаю, но какое-то глупое упрямство, свойственное всей нашей семье, толкало меня вновь и вновь подавать заявку на публикацию. Я уже сбилась со счета, сколько раз атаковала электронный адрес редактора своими рассказами, сказками, повестями, романами. Я давно перестала систематизировать свои работы — понимала, что причины отказов, скорее всего, носят политический характер, а потому работу над ошибками можно провести лишь условно. В хаотичном беспорядке я чередовала свои работы, настойчиво подсовывая различные жанры и стили, благо любила эксперименты в творчестве. Три раза я подходила к редактору лично — все-таки я работала в издательском доме и видела своего начальника каждый день, но ни одна моя попытка не увенчалась успехом. Впрочем, Данишевские, если уж закусили удила, то шли до конца. Победного.

«Или чужого конца. Смерть врага если не означает твою победу, то немного утешает в поражении», — как говорил мой брат.

Вспомнив жесткую улыбку Алекса, всегда сопровождающую эти слова, я вздрогнула, а по спине отчетливо пробежали мурашки. Пришлось покрепче обхватить горячую кружку с кофе — захотелось избавиться от холодка если не в душе, то хотя бы в теле.

— Майя, ты здесь? — Лиди защелкала пальцами перед моим лицом. — Снова связь с космосом словила?

Я очнулась и быстро моргнула.

— Прости, задумалась.

— Да ладно... Вам, творческим личностям, оно простиительно. — Лиди отмахнулась, а затем замялась. — Ты же не обиделась на то, что я сказала?

— Нет, конечно нет!

— Просто... Знаешь, я не хочу, чтобы после очередного отказа ты неделю ходила как в воду опущенная.

— Я вовсе не... — но поспорить мне не дали.

— Что вообще эти эрийцы понимают в литературе? У них же отвратительно грубый язык!

— Он просто лаконичный, — по привычке поправила я. — В алфавите всего пятнадцать символов, но их комбинации...

— Избавь меня от лекции по лингвистике! — гневно фыркнула Лиди. На ее лице читалось отвращение к предмету дискуссии. — И не оправдывай тех, кто уничтожает наше наследие. Ты знаешь, что всеобщим запретили пользоваться на улицах?

До недавнего времени никто не покушался на родной язык землян, но, видимо, даже серая полоса осталась в прошлом, и началась новая эра, окрашенная в еще более мрачные тона. Я спрятала руки под стол, сложив их на коленях. Сейчас начну теревить браслет на правом запястье, а этого делать не стоит. Сестра Алекса Данишевского не может показывать свое смятение окружающим. Даже если эти окружающие — близкие друзья, которых она знает уже лет десять.

— Я в курсе, — по возможности спокойно ответила я. — Приказ проходил через издательский дом.

Лиди какое-то время сверлила меня взглядом, словно ожидая какой-то другой реакции, затем вздохнула и отвернулась. И в этом жесте мне почудилось разочарование.

Я сглотнула. Тяжело быть пятном позора в безупречном роду Данишевских.

«Пацифистка от рождения», — кажется, именно так отозвался Алекс обо мне в одной из наших бесед. Вряд ли это было комплиментом.

— Нам запретили пользоваться нашим языком, так что едва ли твою книгу опубликуют. Даже если ты напишешь ее на эрийском и возьмешь псевдоним. — Лиди вновь повернулась. В глазах уже не было горечи, только смирение — то, что я видела каждый день вокруг себя.

Это еще хуже.

— Я же Данишевская. Я не могу прекратить пытаться. — Фраза почему-то прозвучала не оптимистично, а почти трагично. Не умею я шутить по поводу собственной фамилии.

Но Лиди неожиданно улыбнулась, словно услышала нечто забавное, и уже открыла рот, чтобы что-то добавить, но я ее опе-

редила. Не хотелось вступать в диалог касательно своей наследственности. Сыта этим по горло.

— Сегодня так тихо, — я демонстративно покрутила головой. В зале и правда было почти безлюдно. Двое мужчин торопливо доедали свой обед. Софи неодобрительно поглядывала на них поверх очков — мама Лиди не любила, когда ее стряпне не отдавали должное.

— Десять дней до зарплаты, — передернула плечами подруга. — Людям не на что даже чашку кофе купить.

Собственный заказ встал поперек горла. Чувство вины опалило щеки и уши. Далеко не всем землянам повезло с работой так, как мне. Впрочем, разве это моя заслуга? Алекс — как всегда, дело в нем...

Лиди не заметила моего приступа самоуничужения или сделала вид, что не заметила. Кажется, в ее голове бродили другие мысли.

— В любом случае пока так тихо, можно решить кое-какие проблемы. Отец поехал разговаривать с новым поставщиком, а мама, — кивок в сторону Софи, — пересчитывает наше меню. Надо каким-то образом снизить цены, иначе к нам просто перестанут заходить посетители. Ты же знаешь, у наших, со всеми этими санкциями, деньги испаряются, как роса в жаркое утро.

Под «нашими» Лиди подразумевала землян, наших соотечественников. Впрочем, а кого еще? Не эрийцев же. Те никогда не заходили в заведения землян — брезговали, видимо. Земляне тоже никогда не заглядывали к эрийцам, но дело тут было в другом — цены кусались. Уровень доходов первых и вторых был несопоставим.

Я вздохнула. Вот так всегда. Даже в мыслях я называю эрийцев — эрийцами, а своих соотечественников — землянами. Я редко думаю такими категориями как «свои», «чужие», «мы» и «они». Может быть, в этом все дело? Поэтому я словно неприкаянная в этом мире?

Я покосилась в сторону Софи. Уткнувшись в экран старенького нетбука, видимо, привезенного еще с Земли, она задумчиво тарабанила пальцами по столешнице. Грива таких же роскошных, как и у дочери, волос, правда, ярко-рыжего цвета, была забрана в аккуратный пучок на макушке и оставляла открытым

лоб, на котором пролегла глубокая складка — Софи хмурилась. Она резким движением сняла с носа очки и, похоже, хотела отбросить их, но в последний момент передумала. Вместо этого лишь устало потерла переносицу. Я поспешила отвести взгляд: быть непрошеным свидетелем чужой слабости мне казалось неприличным.

Я всегда уважала семью Лиди за упорство и смелость (чтобы вести дела с эрийцами, одного упорства было бы мало), но, похоже, даже у них заканчивалось терпение.

— Перемен требуют наши сердца, — пробормотала я полузабытую строчку из старой песни.

— Что?

— Да так, мысли вслух, — проговорила я и, посмотрев на часы, загромычала стулом — скрип ножек по чисто вымытому кафелю заставил меня поморщиться. — Спасибо за кофе, я побежала. До завтра!

Я чмокнула Лиди в щечку, помахала рукой Софи и заспешила к выходу, нервно накручивая длинный ремешок сумочки на запястье — опаздывать не хотелось, а время уже поджимало. Со мной вечно так. Я никогда не просыпала, но вот заболтаться, задуматься, увлечься чем-то и забыть, где находишься, — это было в моем стиле.

Хорошо еще, что работа находилась в паре минут ходьбы от кафетерия Лиди.

— Беги, но не упави с таких огромных каблуков!

Привычное напутствие не вызвало даже улыбки. Хорошо ей шутить! У нее-то рост метр семьдесят три. Не то чтобы слишком большой, но, во всяком случае, он позволяет не чувствовать себя козявкой рядом с двухметровыми эрийцами.

Мне с моими метром шестьдесят об этом оставалось лишь мечтать.

На улице было привычно пасмурно. Я подняла воротник пальто, хотя дождя не было. На грязно-сером небе среди многочисленных туч холодно поблескивали два светила — бледно-оранжевое и тускло-желтое.

Я тут же вспомнила, что забыла с утра принять таблетки, и чертыхнулась.

Толку от наличия у планеты сразу двух звезд было чуть: света они давали мало. Мне, как и всем землянам, приходилось принимать мультивитаминные комплексы, без которых появлялась острая нехватка витамина D и сопутствующая ей депрессия. Интересно, а ведь идея бесплатной раздачи лекарств принадлежала эрийцам, то есть поначалу о санкциях никто и не думал. Когда же начались притеснения и явная дискриминация землян?

Задумавшись, я ловко перепрыгнула через лужу и, балансируя на тонких каблуках, чуть не упала на эрийца. Тот развернулся и хотел было сказать в мой адрес что-то нелестное, но я быстро пролепетала извинения и юркнула за угол. Угнаться за мной было невозможно — я в совершенстве освоила искусство бега на каблуках.

Уже зайдя в здание, вспомнила о серой руке с длинными тонкими пальцами и невольно задалась вопросом: если мы проживем на этой планете один век, будет ли у наших следующих поколений такая же серая кожа? Впрочем, что за глупость! Расовые особенности индивида нельзя путать с приобретенными. Вот если бы произошло смешение генов...

Возможно, будь перспектива общего потомства реальной, я бы рано или поздно узнала ответ на этот вопрос, но гены землян и эрийцев оказались несовместимы друг с другом.

«Так же, как и их владельцы», — хмыкнула я и постаралась как можно незаметнее проскользнуть в кабинет корректоров. Это мне удалось, и, усаживаясь на свое рабочее место, я с облегчением выдохнула: «Успела!»

Раздавшийся сигнал по внутренней связи заставил меня подпрыгнуть. Я поспешно активировала окно на панели рабочего стола своего компьютера.

— Дани... — Я терпеливо переждала бульканье, обозначающее у эрийцев звук «ш». В памяти всплыла недавняя пародия Лиди на эрийцев, неспособных в силу строения речевого аппарата воспроизводить шипящие, и я с трудом подавила улыбку: лицо редактора на экране не располагало к шуткам, — ая, — с трудом закончил начальник. — Зайдите ко мне.

Экран мигнул и погас. В душе так же мигнул на мгновение свет и воцарилась темнота. Я не обладала экстрасенсорными

способностями, но и без них могла сказать, что мне не стоило ждать ничего хорошего.

Я медленно встала, по возможности незаметно вытерла вспотевшие ладошки о собственный пиджак и направилась в кабинет к редактору.

— Садитесь, — приказным тоном распорядился он, как только я перешагнула порог его святилища.

Назвать эти владения иначе у меня не поворачивался язык: везде, куда падал взор, были развешены награды и фотографии моего начальника с известными людьми. Все это напоминало алтарь для поклонения самому себе. Кажется, вон в том углу висит награда за лучший костюм на карнавале в начальной школе. Впрочем, отсюда слишком плохо видно, не могу говорить наверняка.

Я молча опустила в кресло для посетителей и сложила руки на коленях. Пальцы слегка подрагивали, так что пришлось сжать их в кулачки.

— Я ознакомился с файлами, присланными вами. Со всеми десятью, — недовольно добавил он. Начальник говорил подчеркнуто нейтрально, опуская обращение по фамилии, что можно было трактовать как проявление неуважения или даже скрытой агрессии, но я уже давно не обращала на такие мелочи внимания. — К сожалению, ни одна из работ не может соответствовать понятию «эрийской литературы». Это обычный ширпотреб, не более. Издательский дом отклоняет вашу заявку.

Сердце ухнуло куда-то в колени, а затем поднялось и застряло где-то в горле: еще ни разу мне не отказывали так жестко.

— Возможно, если вы поясните, что именно не устроило вас в работах, то их изменение позволит исправить ситуацию, — я тоже опустила обращение по фамилии, предписанное по законам этикета. Сделала это осознанно, и, судя по дернувшейся щеке собеседника, мой маневр не остался незамеченным.

Не знаю, зачем это сделала. Видимо, вскипела горячая кровь Данишевских.

— Ваши работы, даже переписанные заново, не могут претендовать на высокое звание эрийской литературы. Уж вы, с вашей-то фамилией, должны это понимать.

Эта ремарка настолько выбила меня из колеи, что несколько мгновений я тупо смотрела на побледневшее (хотя куда уж больше бледнеть!) от гнева лицо начальника и совершенно не к месту размышляла, почему при относительной внешней схожести эрийцы и земляне имеют столько внутренних противоречий? Ведь сидит же передо мной классический представитель эрийской расы — двухметровый мужчина с серой тонкой кожей, изящным, даже хрупким строением тела, с удлинёнными по сравнению с параметрами землян руками и ногами. Да, у него немного иное, чем у меня, строение ушных раковин, а волосистой покров отсутствует в принципе (включая и ресницы на глазах), но ведь в остальном он не так уж отличается от землянина. Почему же с ним невозможно договориться? Неужели враждебность идет еще на генном уровне из-за несовместимости ДНК?

— Я понимаю, — слова даются с трудом, но на ноги встаю я достаточно уверенно. — Но если вдруг я напишу что-то достойное...

— Не трудитесь. Вы можете принести пользу обществу на ниве корректуры. У вас идеальный эрийский, будто вы родились на нашей планете.

— Благодарю.

— Не стоит. Знание языка не делает вас обладателем тех сокровищ, которые он хранит. Я про культурное наследие. Вы же понимаете? Что вы, землянка, можете предложить нашей высоко развитой расе? Ничего.

Я мысленно насчитала три оскорбления в этой короткой речи, после чего перестала ее анализировать. У меня была задача поважнее — не разреваться и не вспылить. Я даже не знала, чего мне в данный момент хотелось больше.

— Я могу идти?

— Конечно. И впредь не беспокойте меня по пустякам. Вы хорошо работаете, но на ваше место много претендентов. Не позволяйте себе отвлекаться.

Все-таки вспылить хочется больше. Пришлось больно укусь себя за язык, чтобы промолчать, а затем, кивнув на прощание, покинуть кабинет начальника.

— На вашем месте я бы подумал о том, чтобы сменить фамилию, — эти слова нагнали меня уже в коридоре, и у меня

возникло чувство, что сделано это было специально: чтобы невольные зрители, если таковые найдутся, услышали, как ловко их начальник ставит на место зарвавшуюся землянку.

Я проигнорировала столь многозначительное напутствие, но перед глазами поплыл белесый туман. Медленно переставляя ноги, доковыляла до своего рабочего места и буквально упала на стул. Открыла первый попавшийся документ и уткнулась в него, не видя абсолютно ничего.

Впервые мне настолько открыто отказали, ссылаясь на мою расовую принадлежность. Впервые мне завуалированно угрожали. Впервые намекнули, что от моей фамилии сплошные беды.

Мне надо было подумать.

«Алекс, что же ты затеял на этот раз?!»

Остаток рабочего дня прошел спокойно. Я настолько увлеклась корректурой рассказов двух совершенно бесталанных, но неизменно популярных сейчас авторов, что забыла о времени. Даже мысли о брате удалось выкинуть из головы. Наверное, я действительно люблю свою работу.

В метро, как всегда, былолюдно и шумно, но мне по счастливой случайности удалось прошмыгнуть на освободившееся сидячее место — в небольшом росте есть и свои преимущества. Во всяком случае, поднырнув под высокого эрийца, я опередила того в погоне за желанным местом.

Устроившись поудобнее и проигнорировав недовольного соперника, коршуном нависшего надо мной, я уткнулась в наладонник. Желания творить не было совершенно (хотя я частенько печатала в метро, если вдохновение настигало в дороге), поэтому я открыла новостную строку.

С детства мне внушалось, что знание — сила. В моей семье был целый ритуал, когда за утренним кофе просматривались все доступные новости. Отец тщательно анализировал разные источники, где одно и то же событие преподносили под разным соусом.

Я была еще мелкая, поэтому со мной новости не обсуждали, но вот Алекса отец нередко звал к себе в кабинет и экзаменовал на предмет того, сколько же тот сумел понять, собирая разрозненные кусочки пазла.

Иногда отец одобрительно хмыкал, но чаще я, прижавшая ухо к двери папиного кабинета, слышала совсем иное:

— Алекс, ты разочаровываешь меня. Как ты мог позволить манипулировать своим сознанием? Посмотри, если сравнить информацию здесь и здесь, становится очевидным...

Что именно становилось очевидным, я редко дослушивала. Это было уже неинтересно. Почему-то для меня имела значение только победа брата в этом словесном поединке, и если такового не происходило, я, разочарованная, уходила к себе.

Все-таки хорошо, что Алекс старше меня на десять лет. Уверена, я бы не ответила ни на один вопрос отца. В каком-то смысле даже лучше, что он так рано покинул нас.

Я вздохнула. Мне никогда не хватало собранности, чтобы изучать новости за завтраком (да и завтрака у меня как такового не было, вместо этого я вечно как бешеная носилась по квартире в попытке собраться поскорее), но читать новости по вечерам или перед сном вошло у меня в привычку. Возможно, это была дань уважения памяти отца.

Первый же новостной сайт выдал мне огромную пафосную статью, посвященную семнадцатой годовщине со дня спасения землян от ужасной смерти:

«В тот момент, когда раса Земли погибала, достигнув своего техногенного кризиса...»

«Ядерная катастрофа, спровоцированная землянами по собственной недалёковидности...»

«Непоправимый экологический ущерб...»

«Взрыв, превративший обитаемую планету в безжизненную пустыню...»

«Эрийцы, благородно предоставившие кров нескольким тысячам спасенных землян...»

«Эскадрилья эрийцев, взявшая себе на борт беженцев...»

И прочее бла-бла-бла. Каждый год одно и то же. Хоть бы обновили штампы.